

Г. Н. МОИСЕЕВА

Автор „Казанской истории“

Изучение исторических сведений „Казанской истории“ в их сопоставлении с документально засвидетельствованными фактами истории русско-казанских взаимоотношений и последней битвы за Казань, 1552 г.¹ приводит к заключению, что автор этой историко-публицистической повести занял вполне определенную позицию в ожесточенной внутриклассовой борьбе второй половины XVI века.

В середине XV века (1445) из остатков распадавшейся Золотой Орды образовалось Казанское ханство. Быстро развившееся в сильное военное государство, основой политики которого были военные нападения на граничащие с ним государства, ограбление их жителей и захват пленных для продажи на восточных рынках, Казанское ханство, являясь ближайшим соседом Русского государства, с первых же дней своего существования стало постоянной угрозой для русского населения. Казанские феодалы неоднократно предпринимали попытки захватить Москву. К середине XVI века татарская опасность усилилась в связи с ростом могущества Турции, с правительством которой Казань, через посредство Крымского ханства, входила в соглашение в процессе борьбы с Русским государством.

Борьба с Казанским ханством, начавшаяся при Василии Темном, продолжалась с успехом его сыном Иваном III, затем с переменным успехом Василием III, отцом Ивана Грозного.

Вопрос о покорении последнего оплота татарской угрозы на Востоке занимал ум молодого Ивана IV в первые годы его самостоятельного правления. Предпринятые им походы 1548 и 1550 годов не привели к поражению враждебного государства, и только третий поход, осенью 1552 года, завершил историческое дело московских государей. Покорение Казани не только в самом Русском государстве, но и в зарубежных странах было воспринято как событие огромного исторического значения. Взятие Казани было большой исторической заслугой Ивана Грозного — „человека с сильной волей и характером“.²

Завоевание Казани отвечало экономическим и политическим целям Москвы и отразило интересы широких народных масс, более всего страдавших от татарских набегов и выносивших на своих плечах непо-

---

¹ Этому изучению посвящена наша работа, представленная в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В статье мы подводим итоги наблюдений, характеризующих общественно-политическую позицию автора „Казанской истории“.

² Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года о кинофильме „Большая жизнь“. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

сильные тяготы военных походов под Казань. В завоевании Казани также сильно было заинтересовано дворянство — служилый правящий класс, рассчитывавший получить новые земельные уделы. Не случайно поэтому дворянский публицист XVI века И. Пересветов в своей челобитной советует царю вести твердую наступательную политику в отношении к Казанскому ханству: „Есть ли хотети Казанского царства добывать... послати войско под Казань, возрастивши сердца воинником своим царьским жалованием и ласкою и приветом добрым. А слышал есми про ту землю, про Казанское царство, у многих воинников, которые в царстве Казанском бывали, что про нея говорят, применяют ея к подрайской земле угодием великим“.¹

Активная поддержка военных мероприятий Ивана Грозного народными массами и прогрессивной частью правящего класса обеспечила победу Русского государства над Казанским ханством в 1552 году.

Походы под Казань были предприняты Иваном Грозным без активного содействия феодальной аристократии и часто наперекор ее желаниям. Корыстолюбивые и бездарные воеводы из князей и бояр предпочитали пассивную оборону активному наступлению. На поле брани они действовали бесталанно и беспомощно. Впоследствии, в „Царевом государевом послании во все его Российское царство на клятвопреступников его, на Андрея Курбского с товарищи об их измене“, Грозный резко охарактеризовал их поведение. „Се ли храбрость, — спрашивает Иван Грозный, — еже службу ставити в опалу? и тако ли покорити прегордые царства?“² Государственные поручения бояре выполняли „не хотением, а паче с роптанием“.³ Осенью 1552 года, после потопления на Волге пищевых запасов, князья-воеводы прямо уговаривали Грозного снять осаду Казани и возвратиться по домам: „Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советовасте, и егда запасы истопоша, како три дня стояв, хотесте во своя возвратитися“.⁴ Во время взятия города князья-воеводы начали штурм крепости, не дожидаясь приказа царя: „Како и в самое взятие града, аще бы не удержав вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, неподобно время брань начати?“⁵

Но князья и бояре, бывшая „рада“, рассматривали завоевание Казани как свою заслугу. Изменник родины А. Курбский в письме Грозному прямо обвинял его в избииении воевод „сильных во Израили“, „полагающих за него душу“: они будто бы разорили „прегордые царства“ и „подручных во всем тебе сотворили, мужеством храбрости их, у них же прежде в работе быша праотцы наши“.⁶ Курбский утверждает, что Иван Грозный обязан был блестящим успехом первых лет царствования доверию к „мужам разумным“, при этом он перечисляет и свои личные заслуги и заслуги представителей знатных родов, советников царя, которым царь якобы обязан своими победами. В „Царевом послании“ Иван Грозный ответил на это заявление Курбского: „А сильных есмь во Израили не побил, и не вемы, кто есть сильнейши во Израили, понеже Российская земля правится божиим милосердием... и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, неже ипаты

¹ В. Ф. Ржигала. И. С. Пересветов — публицист XVI в. М., 1908, стр. 67—68.

² Послания Ивана Грозного, Изд. АН СССР, сер. „Литературные памятники“, М.—Л., 1951, стр. 47.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Русская историческая библиотека (РИБ), т. XXXI, 1914, стр. 2.

и стратилаты“.¹ Грозный отрицает заслуги феодальной аристократии в деле создания и укрепления Русского централизованного государства: „А Российское самодержжество изначала сами владеют своими государьствы, а не бояры и не вельможи“.²

Спор о казанских делах, отраженный и в „Послании“ Грозного и в сочинениях изменника родины Курбского, не может не быть связан с борьбой, которую с конца 50-х годов уже начала феодальная реакция из-за направления всей внешней политики Грозного. В „Цареве государеве послании“ вспоминается „супротивословие попа Сильвестра и Алексея“ (т. е. Адашева) о „германских градах“, т. е. о начавшейся Ливонской войне. Единомышленники Курбского настаивали на том, чтобы война велась в южном направлении — с Крымом и Турцией. Грозный проводил свою политику, целью которой „было дать России выход в Балтийскому морю“.³

Когда в середине 60-х годов после ряда поражений, понесенных в Ливонской войне по вине князей-воевод, выяснилась необходимость поставить во главе войска новых военачальников, которые без родовитых „богатын“ продолжали бы военные действия на западном направлении, — изменник Курбский стал напоминать о своих и своих сообщников мнимых заслугах в победе под Казанью в 1552 году. Извращая факты, Курбский пытался доказать незаменимость знатных воевод, клеветал на Ивана IV, отрицал его заслугу в проведении этого победоносного похода.

В этой обстановке автор произведения, в центре которого стоит описание падения Казанского ханства, не мог не выразить своего отношения к оценке роли Грозного в казанском походе, к оценке поведения „вельмож“ в этом походе и в предшествовавших ему попытках покорения Казани.

В „Царевом государевом послании“ во все его Российское царство на клеветопреступников его, на Андрея Курбского с товарищи об их измене“ Грозный объясняет причину измены Курбского не случайностью, не его, Грозного, якобы „жестокостью“ в отношении к князьям-воеводам и к нему лично, а связью поведения Курбского с политикой враждебных власти великого князя московского группировок родовитых князей и бояр. Измена Курбского с точки зрения Грозного — связана с поведением его предков. Грозный пишет: „... понеже убо извыкосте от прародителей своих измену чинити“,⁴ и перечисляет случаи, когда Курбские вставали во главе заговоров против деда Ивана IV — Ивана III, его отца и матери. В период детства Грозного боярскую оппозицию возглавлял брат Андрея Курбского.⁵

Поведение князей-воевод и бояр во время военных походов, характеристики их как государственных деятелей раскрываются автором „Казанской истории“ на всем протяжении повествования. Так, „некий ближний советник“ Василия II дает „совет горький“ великому князю, приведший его к военному столкновению с Улуг-Мухаммедом и в конечном счете к поражению под Белевым и даже к плену. В 1505 году воеводы, посланные к Мурому против казанского хана Магомед-Эмина,

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 30.

² Там же, стр. 14—15.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165. — Подробнее об этом споре см.: Я. С. Лурье. Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана IV. (Послания Ивана Грозного, стр. 484—488).

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 29.

⁵ Там же.

не выполнили своего задания — „стреши прихода царева, не дати воли воевати Русския земли“, потому что „они себя сторожаху, а не земли своея“, результатом чего явилась „гибель христиан“. В 1513 году Василий III снарядил большой поход под Казань, но русские воеводы не взяли города потому, что перепились и начали „глумитися, играти и спати до полудня“. Казанский хан Сафа-Гирей воспользовался этим и разбил русские отряды наголову. В 1524 году черемисы уничтожили под Казанью „ладейную рать“ только потому, что русские войска были разведены, а бесталанное руководство начального воеводы кн. Ивана Бельского привело к тому, что было потеряно „30 000 человек“, воеводы „не постояли у Казани единого дня“ и вернулись домой. В 1530 году блестяще начатый поход под Казань, когда был взят острог и начат штурм города, при самых благоприятных условиях (Сафа-Гирей убежал из города, „а Казань пусту оставив“), закончился по существу победой татар, заключивших с Москвой мирный договор. Случилось это потому, что начальный воевода, тот же кн. Иван Бельский, „прелстися, много себе взяша у казанцев, и того ради же сами остались и иного же понуди“.

Автор „Казанской истории“ рассказывает и о том, как в Москве казанские послы неоднократно подкупали „палатных бояр“, „вельмож“, „поборников творяще по себе“, чтобы они „печаловались“ в пользу казанцев. Некоторые списки „Казанской истории“¹ объясняют сговор Ивана Бельского с казанцами его давнишними связями с врагами русского народа за спиной Москвы: „яко бе в нем большая измена с казанцы, ходяще войною, не воеваху градов и сел его“.²

С особой силой обрушивается автор на высшее сословие, дойдя до описания событий времени Ивана Грозного. Он строго осуждает всю знать — „бояр и велмож и судей градцких“ — за то, что в годы малолетства Ивана IV они „самовластием“ жили. Бесчинства вельмож привели к тому, что „неправды умножишася, обиды, тадбы и разбой и убийства, по всей земле рыдания и вопль велик“.

Реальные портреты князей и бояр „недоброхотов“, ленивцев, взяточников, выведенные в „Казанской истории“, завершает вымышленный образ предателя Юрия Булгакова,³ тайно сообщившего казанскому хану Едигеру места подкопов, которые велись русскими войсками

¹ В настоящей статье цитаты из текста „Казанской истории“ приводятся по спискам первой редакции произведения. В основу издания памятника, подготовляемого Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Академии Наук СССР, взята рукопись, хранящаяся в Институте русской литературы из собрания В. Н. Петрова Q.26-П; разночтения к тексту по рукописям: 1) Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрание Н. А. Никифорова № 174; 2) Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F.IV.578; Q. XVII, 209; собрание Соловецкого монастыря № 1501/42; 3) Библиотеки Академии Наук СССР, собрание И. И. Срезневского 24.5.9.

² F.IV. 578, л. 183.

³ В „Казанской истории“ образ Юрия Булгакова намеренно сближен автором с биографией князя Юрия Михайловича Булгакова, принадлежавшего к родовой московской знати. Исторический образ князя Ю. М. Булгакова, неоднократно затевавшего местные споры и бесконечные суды [свидетельства см. в „Древнейшей разрядной книге“ (М., 1901, стр. 110, 133, 149, 154—155), в „Историческом сборнике“ (т. II, стр. 10—11) и в „Актах Археографической экспедиции“ (т. I, СПб., 1836, стр. 345)], умело использован в „Казанской истории“. Хотя автор и не называет прямо имени родины Юрия Булгакова князем Ю. М. Булгаковым, а представляет его „воином царева полка“, тем не менее современникам был совершенно ясен смысл, вложенный автором в характеристику этого предателя. Не случайно поэтому вторая редакция „Казанской истории“, возникшая в иной политической обстановке — после смерти Ивана Грозного, не имеет в своем составе рассказа о Юрии Булгакове и о наказании, заслуженно понесенном им.

во время осады Казани в 1552 году. Строгую оценку поведения князей и воевод произносит автор „Казанской истории“ устами Шигаея. Касимовский хан не лестного мнения о русских князьях и воеводах, живущих „в велицей славе и богатстве“, обладателях „многого имения“: на поле битвы они „некрепцы и не сильны“. Князья, вместо того чтобы защищать родину, „подвизаются лестно и нерадиво друг за друга уклоняющиеся“.

Если поведение изменника Курбского смыкается с поведением его предков, то московские великие князья предвосхищают блестящую деятельность Ивана Грозного. Автор „Казанской истории“ прямо подчеркивает преемственность и поведения и духовного облика Ивана IV: „и бысть велми мудр, и храбр, и серд... подобен по всему деду своему, великому князю Ивану“.¹

Неоднократно предпринимавшиеся московскими великими князьями походы под Казань бывали неудачными, как объясняет автор „Казанской истории“, по двум причинам: либо из-за изменнических действий князей и бояр, либо из-за „лукавства казанцев“, поддерживаемых в их действиях „пonorовниками их“, т. е. теми же князьями — советниками великих князей. Автор прямо пишет: „иже прежде его (Ивана Грозного, — Г. М.) бывши державствующие Московстии, праотец сего, великия князи, востающа, ополчающесе на казанцев, хотяще взяти змиево гнездо их, Казань град, изгнати их ото отечества своего, Руския державы, и вземше не единою Казань и держати за собою царство не могоша, и укрепить его и не разумеша, лукавства ради казанцев“.²

Будучи еще совсем юным, московский государь „согляда всю землю свою очима, всюду яздыше. Виде многие грады руские старья запустеша от поганых: Рязанская земля и Северская крымским мечем погублена, Низовская земля вся — Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцев запусте“.³

Борьба с Казанским ханством стала знаменем действий Грозного: он продолжил историческое дело московских великих князей — „как отец его, и дед, и прадед воеваху с ними“,⁴ — и завершил борьбу с Казанью взятием ее в 1552 году. Реформы в войске, позволившие перейти от обороны к наступлению на Казань, „избиение старых мятежников“ — решительная борьба с боярской оппозицией, судебные реформы, укрепившие Русское централизованное государство, — вот те политические и военные мероприятия Ивана Грозного, которые отмечает автор „Казанской истории“ как основу военных успехов под Казанью.

Весь рассказ „Казанской истории“ пронизан преклонением перед образом Ивана Грозного, все мировоззрение автора ярко окрашено сочувствием политике Грозного. Даже в тех частях повествования, где Грозный как действующее лицо отсутствует, читатель узнает его оценки поведения участников изображаемых событий; политикой Грозного определенного периода его правления обусловлена тенденциозная переработка автором „Казанской истории“ реальных исторических фактов и отношений. Так, наиболее характерные для мировоззрения автора эпизоды „Казанской истории“ оказываются отзвуками дел и писаний самого Грозного или его ближайших единомышленников.

Автор „Казанской истории“ доказал своим произведением, что завоевание Казанского царства было личной заслугой Грозного, что,

¹ Q. 26-П, л. 54.

² Там же, л. 57.

³ Там же, л. 56.

⁴ Там же, л. 57.

преодолевая явное или скрытое сопротивление бояр-воевод, Грозный неуклонно продолжал вести наступление на Казань. Чтобы резко оттенить ведущую роль Грозного в восточной политике 50-х годов, автор использует всякую возможность для противопоставления государственной точки зрения Грозного своекорыстным побуждениям бояр.

В споре о том, кому принадлежит главная заслуга в деле покорения „прегордого“ Казанского царства, автор „Казанской истории“ решительно стал на сторону Грозного. Он показал, что походы под Казань предпринимались Иваном IV при явном противодействии со стороны феодальной знати: „мнози тогда худоумнии человецы, или прямо рещи безумные и тщедушныя, негодоваху и роптаху на самодержца своего, яко и самому ему землю свою губящи, и паче злее ратных и щадящу, и не брегущи люди своих“.¹ Вспомним упрек Ивана Грозного по адресу „избранной рады“ в его „Цареве государеве послании“: „егда посылахом на Казанскую землю воеводу своего князя Семена Микулинского с товарищи, како вы глаголали? Се яко мы в опале своей их послали, казнить их хотя, а не своего для дела“.²

Автор „Казанской истории“ показывает, что во время осады и штурма Казани в 1552 году Иван Грозный не только руководил всеми военными операциями, но и принимал в них личное участие. Не в пример князьям и воеводам, стоявшим „бездельно“ во время приступа к крепости, Грозный „всед на избранный свой конь с мечем своим... хотеша в ярости дерзнути с воеводами сам итти к приступу в велицем полце и собою дати начало храбрости всем“.³

В обострившейся внутриклассовой борьбе царя с боярством, в суровые и трудные годы опричнины автор „Казанской истории“ бесповоротно стал на сторону Ивана Грозного и оценил события и поведение участников их за все предшествующее время с точки зрения нового исторического этапа политической борьбы.

Не случайно в начале 70-х годов XVI века в антиправительственном лагере появилось сочинение „История о великом князе московском“, где изменник Курбский остановился по существу на тех же эпизодах из истории похода под Казань, на которых заострил внимание читателя автор „Казанской истории“.

Описывая деяния „избранной рады“, Курбский сообщает, что это именно она произвела реформы в войске, позволившие перейти к решительным действиям по отношению к Казани. Дела „избранной рады“, по словам Курбского, якобы воодушевили Ивана IV, который „возревновав ревностью начал против врагов сам ополчаться“⁴ Курбский нагло заявляет о том, что военными действиями под Казанью руководил не Иван Грозный, а „стратилаты великия... княжа Суздальский Александр, нареченный Горбатый... княжа Пронский Юрий, княжа Федор Львов, княжа Семен Микулинский“⁵ и он — князь Курбский. А во время решительного штурма, когда, по „Казанской истории“, князья и воеводы „стояли бездельно“, а Грозный, „всед на избранный свой конь“, сам бросился в бой, чтобы „собою дати начало храбрости всем“,⁶ по клеветническому рассказу Курбского, „искусные стратилатове“, т. е. те же князья-воеводы, для подъема духа русского войска,

¹ Q. 26-П, л. 260 об. — 261.

² Послания Ивана Грозного, стр. 47.

³ Q. 26-П, л. 215 об.

⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 181, 187, 189.

⁶ Q. 26-П, л. 215 об.

бегущего под нажимом татар из города, решили поставить „близу врат градцких, нареченных царских, херуговь великую и, самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругвь поставиша“.¹

Цель, которую преследовал в своем сочинении Курбский, состояла в том, чтобы „развенчать московского великого князя и возвеличить свои собственные заслуги, дискредитировать идею царского самодержавия и пропагандировать государственный строй, основанный на власти бояр“.²

В этой обстановке ожесточившейся политической борьбы между прогрессивной политикой Ивана Грозного и своекорыстными, эгоистическими и в конечном счете изменническими действиями феодальной знати, в атмосфере замалчивания заслуг царя, а подчас и прямой клеветы на него родилась публицистическая повесть об основании и падении Казанского ханства — „Казанская история“. „Казанская история“ ответила на многие вопросы общественной мысли, рассматривая события прошлых лет под углом зрения современности — открытой политической борьбы Ивана Грозного с боярством.

Характеристика деятельности Ивана Грозного, направленной на укрепление Русского централизованного государства, непримиримое отношение к князьям и боярам; беспощадное разоблачение их ставят „Казанскую историю“ на одно из первых мест среди литературно-публицистических памятников XVI века. Мироззрение автора выросло из потребностей времени и служило интересам передовых сил общества в их борьбе за Русское централизованное государство. „Возникнув на базе новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, новые общественные идеи и теории пробивают себе дорогу, становятся достоянием народных масс, мобилизуют их, организуют их против отживающих сил общества и облегчают, таким образом, свержение отживающих сил общества, тормозящих развитие материальной жизни общества“.³

Поэтому „Казанская история“, раскрывая величие дел Грозного, горячо поддерживая его внешнюю и внутреннюю политику, разоблачая врагов этой политики — княжеско-боярский лагерь, активно помогала укрепиться той новой расстановке классовых сил, за которую шла борьба в 60-е годы XVI века. Идеальный сторонник поднимавшегося дворянства, автор „Казанской истории“ старательно подбирал факты, которые дискредитировали феодальную знать, сознательно замалчивал ее роль в походе 1552 года под Казань, заменив имена действительных участников этого похода, родовитых воевод, именами незначительных иноземных выходцев, участвовавших в ливонских походах начала 60-х годов.⁴ Значительное место в разрядах „Казанской истории“ занимают

¹ РИБ, т. XXXI, стр. 198.

² И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 282.

³ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 547.

⁴ Исследователи „Казанской истории“ неоднократно обращали внимание на расхождение разрядов войск во время похода под Казань в 1552 году, помещенных в произведении, с разрядами, имеющимися в документальных источниках (Разрядных книгах). Имена действительных воевод заменены в „Казанской истории“ именами татарских царевичей, прибывших в Россию значительно позднее описываемых событий, в конце 50—60-х годов XVI века. Так, Г. З. Кунцевич, выделивший из многочисленных списков „Казанской истории“ ее первоначальную редакцию, отметил, что расхождение разрядов имеется именно в этой группе списков. Последующие редакции имеют правильные, не расходящиеся с документальными данными, разряды войск. Г. З. Кунцевич объяснил расхождение разрядов первоначальной редакции тем, что автор, создавая свое произведение, „не имел под руками летописи“ (Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 414). Сличив

князья, не принимавшие активного участия в казанском походе, но вошедшие в 1564—1565 годы в „опричную дружину“ Грозного.¹

В своих политических взглядах автор „Казанской истории“ смыкается с передовой дворянской публицистикой XVI века. Рассматривая „Казанскую историю“ с этой стороны, мы можем установить самые тесные идейные связи ее с сочинениями Ивана Пересветова. По всем крупнейшим вопросам, которые ставила историческая действительность XVI века и которые находили отражение в передовой литературе того времени, мы наблюдаем значительное сходство во взглядах автора „Казанской истории“ и автора „Челобитных“ на имя Ивана Грозного — Ивана Пересветова.

Важнейшим вопросом первого десятилетия самостоятельного правления Ивана IV был вопрос об издании новых законов. В речи на Стоглавом соборе царь отчетливо сформулировал значение нового Судебника. „Царская речь рассматривает издание Судебника как важнейшее мероприятие, направленное на ликвидацию последствий боярского правления“.²

В советской исторической науке раскрыто значение „Судебника 1550 г.“ как памятника „классовой юстиции“, который „последовательно проводил линию защиты феодалов в целом, заинтересованных в удержании в узде эксплуатируемого большинства непосредственных производителей“.³

К. Маркс указывал, что в „феодалную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности“.⁴ Анализ жалованных грамот XVI века на землю приводит И. И. Смирнова к выводу о „распространении имущественных привилегий на служилых людей и помещиков“⁵ и о приобретении дворянами новых политических прав. „Судебник 1550 г.“, по справедливому мнению И. И. Смирнова, отразил „процесс политического возвышения дворянства“.⁶ „Дворянство, — отмечает Л. В. Черепнин, — было заинтересовано в создании крепкого государственного аппарата, стоявшего на страже его классовых интересов, охранявшего личную безопасность дворян и неприкосновенность их имущества“.⁷ „Праведен суд“, в изображении автора „Казанской истории“, и „права великая“, о которой пишет Иван Пересветов, — это не только искоренение „лукавых судей“, но прежде всего новые, справедливые, отвечавшие интересам дворянства, законы.

разряды войск „Казанской истории“ с разрядами войск начала 60-х годов XVI века, когда упомянутые в произведении иноземные царевичи действительно принимали участие в военных операциях во время Ливонской войны, и проследив поведение князей-воевод времени казанских походов Грозного (50-е годы), когда московский государь окончательно разошелся с кружком своих бывших советников из „избранной рады“ и когда многие деятельные участники ее стали открытыми врагами царя и изменниками родины, мы пришли к выводу о намеренном, тенденциозном перенесении автором „Казанской истории“ общественных отношений 60-х годов на изображение событий 50-х годов XVI века. Таким образом разряды „Казанской истории“, отражающие открытую политическую борьбу Грозного с боярством начала 60-х годов XVI века, появились в произведении не по неведению автора и не случайно.

¹ Г. Н. Бибииков. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. Труды Государственного Исторического музея, вып. XVI, М., 1941, стр. 24—28.

² И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. Исторические записки, т. 24, М., 1947, стр. 267.

³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, М., 1951, стр. 348.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVII, стр. 366.

⁵ И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 300.

⁶ Там же, стр. 317.

⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 348.

В челобитной Ивану Грозному И. С. Пересветов передает царю „предсказания“ „мудрых философов“ и „докторов“: „Да и то начитают в мудрых книгах своих тако: правду великую в царство свое введеш... что не будет такие правды под всею подсолнечною, яко во твоём царьстве, и от твоей мудрости и великой грозы государевы лукавые судьи, яко от сна проснутся, да посрамятся дел своих лукавых“.¹ „Неправедным судьям“ будет „правда и гроза“ — говорит Пересветов. Волошский воевода Петр, мнение которого передает Пересветов, прямо считает, что основой сильного государства являются твердые и справедливые законы: „есть ли хотети мудрости царской отведати и о воинстве и о уставе жития царского. Бог помогает не ленивым, да кто правду любит и праведен суд судит“.²

В „Казанской истории“ автор поставил в заслугу Грозному то, что он „многих велмож устраши, от лихоимания и неправды обрати и праведен суд судити научи“.³

В заключительной похвале автор развивает эту мысль более подробно: Иван IV „тщашеся и покушашеся како бы всяку неправду и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резоимание, и разбой, и тадбы изо всея земли своя извести, правду же и благочестие в людех насеяти [и] возрастити“.⁴

В „Сказании о Магомед-Султане“, принадлежащем тому же Пересветову, показаны и пути претворения в жизнь новых законов: Магомед-Султан „выдал судебные книги“, у него „по городом же десятцкие уставлены и сотники и тысяцкие“,⁵ которые и должны на месте осуществлять этот „праведен суд“. В „Казанской истории“ Грозный „по всей области великия державы своя по всем градом и по селом изыска и устави разумныя люди и верны сотники и пядесятники и десятники на вере и устави во всех людех“.⁶

Пересветов передал в своей челобитной мнение волошского воеводы о необходимости для Ивана IV иметь сильное и технически обученное войско: „таковому государю годитца держати двадцать тысяч юнаков храбрых со огненною стрелбою, гораздо ученых“.⁷

Автор „Казанской истории“ личной заслугой Грозного считает преобразование войска, позволившее перейти в решительное наступление на Казань; он сообщает, что Иван Грозный „смети во всей области своей ратных людей служивых ему“, для того чтобы „брещи землю свою со всех стран от поганых язык, и еще ново прибави к ним огненных стрелцов много, к ратному делу гораздо изученных“.⁸

Пересветов полагает, что „воинами царь силен и славен“, поэтому он рекомендует Ивану IV быть внимательным к нуждам воинов и щедрым на вознаграждения: „сердца им [воинам] веселити, и жалования государева из казны прибавляти... во всем их любить яко отцу детей своих и быти до них щедрю и милостиву“.⁹

¹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения в Обществе истории и древностей российских (в дальнейшем — Чтения), кн. IV, СПб., 1901, стр. 4.

² Там же, стр. 3.

³ Q. 26-П, л. 55.

⁴ F. IV. 578, л. 285 об.

⁵ В. Ф. Ржигга. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 77.

⁶ F. IV. 578, л. 285 об.

⁷ В. Ф. Ржигга. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 63.

⁸ Q. 26-П, л. 56 об.

⁹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 6.

В „Казанской истории“ автор показывает, как отнесся Грозный к воинам, у которых перед походом под Казань в 1552 году нехватало средств, чтобы обеспечить себя снаряжением и продовольствием: „видев же инех вои своих убозех сущих и нужных всем, не имеющих у себя ни коней воинских, ни кормли, и тех для отвори полаты своя оружные и ризныя и житница хлебныя, даваше им до любви их и оружия всякая, и светлы ризы, и кормлю, и добрыя кони ис конюшни своея“.¹ Московский государь был „ко всем воинственным людем своим милостив и многодаровит“.² „Ратных людей служивых ему“ Грозный „любя и брежаше старыя, яко отца, средовечныя, яко братию, юнныя же яко сыны, все почиташе честьми прилежными“.³

Так, традиционной формулой церковно-дидактической литературы автор определил реальную черту поведения Ивана IV, забота которого о воинстве описана им с большой теплотой.

Устами „мудрых философов“ и „дохторов“ И. С. Пересветов предрекает Ивану Грозному славу великого полководца: „слыша ото мудрых дохтуров и философ про твое царское от бога мудрое приращение, как пишут о тебе, великом царе, по земному знаменю и о твоём царстве и о мудром воинстве, беречи веры христианские и умножати, неверны к вере приводит“.⁴ Пересветов прямо говорит: „быти тебе, государю, великому и покорит бог недруги твои тебе, государю, и божию помощию дочлси в книгах, что обладати государю многими царствы“.⁵

В „Казанской истории“ в заключительной похвале о воинской славе Ивана IV сказано так: „... зваху его во всех странах крепким царем и непобедимым, и бояхуся погании языцы ратию приходити на Русь, слышаше же его жива еще и страх его сведуще“.⁶ Могущества русского царя „убояша бо ся“ не только „погании цари“, казанцы, черемисы, ногайцы, но и „немцы с магистром... вострясошася и побегоша ото искуснейших ратоборец“.⁷ Грозный не только освободил исконно русские земли — „стеснившаяся от супостат руския пределы“, но и „разшири и продолжи их до край морских, и наполни безчисленными селени людскими, и многи победы на супротивных постаив“.⁸

Если Пересветов рекомендует Грозному воинам „сердце веселить и ни в чем кручины не допустити“, то совсем иначе он советует ему относиться к „вельможам“. Пересветов убежден, что „ленивые богатины“, хотя „крест целуют, изменяют; то есть великая ересь, что за веру христианскую не стоят и государю верно не служат“.⁹ Объясняет он это тем, что „богатые любят упокой“. Пересветов советует царю не доверять вельможам управление государством. Он предостерегает Ивана IV, в случае если он поверит им, то „на воины своя кручины напустит и на все царство свое и неутолимия беды великия от вельмож своих“.¹⁰ По его мнению, княжеско-боярская верхушка не может служить и в качестве военного руководства, потому что во время по-

¹ Q. 26-II, л. 146.

² Там же, л. 55 об.

³ Там же, л. 56.

⁴ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ I. IV. 578, л. 286.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 13.

ходов „вельможи Русского царства сами богатеют, имение емлют, царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру христианскую не стоят, и люто против недруга смертною игрою не играют“.¹

Автор „Казанской истории“ описал выезд князей и воевод перед походом на Казань в 1552 году. Они „приезжаху во град един по единому их, на площадь, ко царским его полатам, и показующиеся ему, изодевяшеса в пресветлыя своя одеяния и со всеми отроки своими, тако же и добрые свои коня во утварях красных ведуши“.² Выше нами было показано, как автор „Казанской истории“ обрисовал роль князей и бояр в государственной и военной жизни. Он подтвердил конкретными примерами те обвинения, какие выдвигал против феодальной знати Пересветов. Ни в управлении государством, ни в руководстве военными действиями „вельможи“, „ленивые богатины“, не могут быть надежной опорой царской власти.

В своей челобитной И. С. Пересветов коснулся и вопроса о личных качествах идеального государя. Царь должен быть прежде всего воин, полагает Пересветов. В форме предсказания он советует Грозному больше всего радеть о „воинских делах“, о „мудром воинстве“ и не полагаться на советы князей и бояр, которые, конечно, попытаются отвлечь его от сурового долга. Пересветов рекомендует царю не быть милосердным с вельможами, в противном случае „придет на него великая кротость, и то есть уловление от врагов его, не будет царь мыслити о воинстве и о праве во царстве своем, будет веселитися с теми, которые ему сердце разжигают вражбами и многими прелестными пути“.³

В похвале Ивану Грозному, заключающей „Казанскую историю“, автор особо подчеркивает, что царь „от юнныя версты не любяху никакая потехи царские... токмо всегда о воинственном попечении упражняшеса, и поучение о браных творяше, и о сих с воеводами прилежаще, и сим во вся дни живота своего с мудрыми советники своими поучашеса, и подвизашеса, како бы очисти землю свою от поганных нашествия и от частого пленения их“.⁴ Он показал, что государем, надежды на которого возлагала передовая дворянская публицистика XVI века, является Иван Васильевич Грозный, что его действия определены теми же целями, о которых говорит И. Пересветов в своих „Челобитных“.

Автор „Казанской истории“ показал, что походы под Казань предпринимались Иваном IV ради интересов народа. „Слышати уже не могу всегдашнего плача и рыдания людей моих“,⁵ — говорит Грозный, обращаясь к собравшимся боярам. Царь создает войско, изучает военное дело, ведет споры с боярами, думает и молится о государственных задачах. Не ради личной славы, а для защиты русских областей от нашествий захватчиков предпринимает он многочисленные походы под Казань. Укоряя нерадивых воевод, думающих лишь о том, как бы скорее возвратиться из-под Казани по домам, Грозный клянется: „да умру с вами zde, на чужой земле, а к Москве с поношением и со стыдом не возвращаюся“.⁶

¹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 6.

² Q. 26-П, л. 145 об.

³ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 12—13.

⁴ F. IV. 578, л. 286.

⁵ Q. 26-П, л. 142—142 об.

⁶ Там же, стр. 191.

В изображении „Казанской истории“ Грозный всегда уважительно и заботливо относится к народу — участнику важнейших событий в жизни государства. Отправляясь в поход, Грозный „всему бещетному множеству великому народу московскому на четыре страны до земли поклонися“; обезьяная войска перед последним приступом на Казань, царь „кланяся им до златых стремени ноги своея“, называя всех „русская чада“. Народ же радостно, „яко пчелы матку свою“, встречает царя, возвращающегося с победой в Москву. В перечне вышедших навстречу царю „в поле за посад“ названо „все множество безчисленное народа московского“. Царь же „посреди народа тихо путем прохаждаше на царстем коне своем, со многим величанием и славою великою, на обе страны поклонився народом, да вси людие наслаждаются, видяще и велелепотныя славы его сияюща на нем“.

В этом идеализированном изображении отношения самодержавного царя к народу совершенно скрытой оказалось историческая правда — то, что укрепление централизованного дворянского государства и обеспечение его безопасности от внешних врагов происходили за счет усиления эксплуатации трудового народа. Идеолог дворянства, автор „Казанской истории“ в отношении в народным массам занимал позицию, типичную для возвышающегося эксплуататорского класса. „...всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден избразить свой интерес как общий интерес всех членов общества...“¹

Патриотизм Грозного в изображении автора „Казанской истории“ носит на себе отпечаток исторической ограниченности. Занимая определенную позицию во внутриклассовой борьбе Ивана IV с боярством и отстаивая свои классовые интересы, автор „Казанской истории“ представил их как общенародные интересы. Социальную природу идеологии возвышающегося правящего класса гениально раскрыл К. Маркс в работе „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“. „То, что они (буржуазные идеологи, — Г. М.) отстаивают, объявляется *народным правом*, то, что интересует их, объявляется *интересом народа*“.² Субъективно стремясь к защите своих интересов, объективно служилый правящий класс содействовал созданию сильного централизованного государства и разгрому феодальной аристократии, тянувшей Русское государство к феодальной раздробленности.

Кто же был этот страстно убежденный сторонник политических мероприятий Грозного? Этот вопрос не раз поднимался историками и литературоведами, начиная с XVIII века и кончая последней работой акад. А. С. Орлова — „Героические темы древней русской литературы“, вышедшей в 1945 году.

От В. Н. Татищева идет мнение, что автором „Казанской истории“ является священник Иоанн Глазатый, который был в казанском плену и, освобожденный во время „взятия“, был прощен Грозным. Имя Глазатого как автора рассказа „о доставании и взятии града Казани“ В. Н. Татищев называет, говоря об источниках своей „Истории российской“.³ И хотя В. Н. Татищев не сообщает, на основании каких данных авторство „Казанской истории“ приписано им Глазатому, тем не менее, вслед за „Историей российской“, „попа Иоанна Глазатого“

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 38.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 241.

³ В. Н. Татищев. История российская, кн. I, ч. 1. М., 1768, стр. XII.

считают автором Н. И. Новиков,¹ митрополит Филарет,² митрополит Евгений,³ К. Н. Бестужев-Рюмин⁴ и Д. И. Иловайский.⁵ Г. З. Кунцевич, которым написана монография о „Казанской истории“, полагает, что священник Иоанн Глазатый был автором „Отрывка русской летописи“, прибавленного к „Казанской истории“ и прочно вошедшего в ее позднейшие редакции.⁶

Весьма вероятно, что автором компиляции из официозных рассказов о взятии Казани, которая вошла во вторую редакцию „Казанской истории“, утратившую все публицистическое звучание произведения, действительно был Иоанн Глазатый. Резко оцерковленный тон всего изложения, обилие молитв, чудес, знамений выдают в авторе духовное лицо. Этот оцерковленный рассказ совершенно расходится с характером изложения в первых 49 главах, перенесенных целиком из основной редакции „Казанской истории“ и принадлежащих несомненно другому автору⁷— светскому. Можно представить себе, как сложилась эта „легенда“ о том, что автором всей „Казанской истории“ был именно „поп Иоанн Глазатый“.

В. Н. Татищев знал „Казанскую историю“ только в ее второй редакции, которая была издана по двум спискам в 1791 году. Три списка, содержащие текст подлинной „Казанской истории“ в ее основной редакции, не были еще известны в XVIII веке, их обнаружил и выделил из общей массы списков лишь Г. З. Кунцевич. В. Н. Татищев знал, видимо, какой-то список „Отрывка русской летописи“ или второй редакции „Казанской истории“, связанный с именем Иоанна Глазатого, и счел последнего автором не только второй ее части, начиная с 50-й главы, но и всего предшествующего рассказа. Позднейшие упоминания об авторе „Казанской истории“ основаны на указании В. Н. Татищева, без попытки критического пересмотра его мнения. Г. З. Кунцевич, отделивший первоначальную редакцию от позднейших, впервые поставил вопрос о сходстве „Отрывка русской летописи“ с рассказом о походе под Казань в позднейших редакциях „Казанской истории“ и высказал догадку о принадлежности этого отрывка попу Иоанну Глазатому.

Другая точка зрения на автора „Казанской истории“ была высказана в статьях об этом памятнике акад. А. С. Орлова. А. С. Орлов интересовался „Казанской историей“ в связи с вопросами стиля древнерусской исторической беллетристики XVI—XVII веков. Его интересовало прежде всего влияние на „Казанскую историю“ других памятников древнерусской литературы. А. С. Орлов считал, что „Казанская

¹ Н. И. Новиков. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 28.

² Филарет. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, СПб., 1884.

³ Митрополит Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чину, т. I. СПб., 1827, стр. 259—260.

⁴ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 42.

⁵ Д. И. Иловайский. История России, т. III. М., 1890, стр. 624.

⁶ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 556.

⁷ В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в составе сборника О. XVII. 73 находится список второй редакции „Казанской истории“, составленный из двух различных повестей: первая повесть — первая часть первой редакции „Казанской истории“, кончающаяся главой „Совет царя и великого князя с бояры своими“; вторая — „Повесть о боговводимом подвиге царя и великого князя“. Повести отделены одна от другой чистым листом, причем первая повесть заканчивается кондовкой, а вторая начинается с новой заставки. Эти данные свидетельствуют о том, что переписчик „Казанской истории“ в упомянутом сборнике ощущал их как две различные повести.

история“ создалась „под влиянием повести Искандера о взятии Царьграда турками в 1453 г.“,¹ что автор „Казанской истории“ сознательно следовал за этой повестью. „Его привлекало сходство своей судьбы с судьбой Искандера. Оба были в агарянском плену, — один — у турок, где и потурчился, другой — у злых черемис и лютых казанцев“.²

В своей позднейшей работе А. С. Орлов отказался от этой точки зрения и полагал, что сходство судьбы Искандера и автора „Казанской истории“ объясняется тем, что автор последней „подражает Искандеру даже и в этой особенности повести“.³

Решая вопрос об авторе „Казанской истории“, прежде всего следует ответить на вопрос: имеем ли мы право подвергать сомнению самый факт длительного пребывания его в казанском плену и считать, как это делает акад. А. С. Орлов, биографические эпизоды „Казанской истории“ лишь литературным подражанием Нестору Искандеру, лишенным реальной основы?

Напомним все автобиографические данные, какие могут быть извлечены из „Казанской истории“.

О своей жизни в плену автор сообщает следующие сведения. За 20 лет до взятия Казани, т. е. в последние годы княжения Василия III, он был взят в плен и „сведен“ в Казань; здесь его отдали „в дар“ казанскому царю, который „взял его с любовью“ и оставил при дворе „служити“, „пред лицом своим стояти“. От царя и „премудрейших и честнейших“ казанцев пленник получил некоторые сведения о прошлом Казани. Когда и где искал автор эти сведения „в летописях русских“ и у „искуснейших людей русских“ — трудно решить, но в „казанских“ летописях он „мало видех“ — очевидно еще во время пребывания в плену. Живя в Казани, пленник наблюдал страдания русских пленных, которых продавали в рабство, и издевательства над монахами и монахинями. Описывая эти „беззакония“, автор замечает: „есмь сам видех очима своима, пишу сия, видех горкую беду сию“.⁴ Освоившись с местными суевериями, автор доверчиво описывает „знамения“, предсказывавшие падение Казани, и, в частности, передает рассказ „о бесе“, который в виде „змия велика огнена“ улетел из улуса на берегу Камы „в пустая места непроходная, прогнан христовою силою“, этим предсказав людям, что здесь водворится христианство. Это „третье знамение, — пишет автор, — при мне же бысть, еще бо ми тогда в Казани живуща“.⁵

Есть основание думать, что этот пленник занял в Казани особое положение: находясь при царском дворе, он мог оказывать услуги и русскому правительству, поэтому он остался в Казани, когда московский ставленник на казанском престоле, царь Шигалей, в 1551 году отпустил на свободу весь „русский плен“. Рассказ об этом освобождении русских пленников как будто выдает необычайное положение самого автора: Шигалей приказал собрать „весь в Казани плен русский мног, избравше за 30 лет, изо всея земли Казанския, числом более 100000 мужи и жены, отроки и девицы, и на Русь отпустиша. Инии же застаревшея престелници многи от них ошастася, не хотяще обра-

¹ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 4—5.

² Там же, стр. 5.

³ А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы. М.—Л., 1945, стр. 113.

⁴ Q. 26-II, л. 61.

⁵ Там же, л. 92.

титися к вере христове и до конца отчаявше своего живота спасения, и погибоша, окаянны, свет отвергше истинныя веры, а тму возлюбившие“.¹

Совершенно очевидно, что автор не причислял себя к этим „застаревшим прелестницам“; ведь через год он сам вышел „на имя царево“, вернулся в христианскую веру, да еще получил „удел“. Можно думать, что он остался в Казани не потому, что „отчаялся своего спасения“, а потому, что выполнял какие-то ответственные поручения при сменявшихся казанских царях. Тогда становится понятно, почему он вышел из плена „на имя царево“, почему сразу получил и „удел“: видимо, это была награда за какие-то старые услуги. Станет понятным и то, что и дальше он, как увидим, оставался близок к правительственным кругам, но уже в Москве.

В свете всех этих данных проверим, во-первых, можно ли считать рассказ о пребывании в плену литературным приемом, во-вторых, согласуется ли облик автора, каким он вырисовывается из его рассказа, с предполагаемым духовным званием, т. е. есть ли реальная почва для предположения, что автором „Казанской истории“ был „поп Иоанн Глазатый“.

Анализ содержания „Казанской истории“, на фоне возможных ее литературных источников, показывает, что автор ее сообщает много таких сведений, которые он не мог извлечь из письменных источников и которые основаны им или на личных наблюдениях, или на его близком знакомстве с казанскими устными преданиями о прошлом и рассказами казанских татар — непосредственных участников описываемых событий. Об этом он свидетельствует сам, когда говорит о невозможности написать историю Казани по русским летописям; не найдя сведений „в летописцах русских“, он обратился к „искуснейшим руским людям“, расспрашивая их „о первом зачале“ Казанского царства, однако ему „глаголаше тако ин и инако, ни един же поведае истинны“; знал он рассказы казанского хана — „слышах словом от самого царя изо уст многажды и от вельмож его“. На протяжении своего повествования автор неоднократно ссылается на устные источники: „глаголют“, „глаголют мнози нецы“ и т. д.

Сам автор „Казанской истории“ был свидетелем многих исторических событий. На его глазах прошла большая часть царствования Сафа-Гирея, дважды он видел на казанском троне Шигалея, перенес казанский плен, затем осаду и взятие города русскими войсками. В некоторых рассказах „Казанской истории“ он ссылается на личные наблюдения: „есмь сам видех очима своими, пишу сия“. Поэтому некоторые из описаний событий, происходивших в самой Казани на протяжении с 30-х по 50-е годы XVI века, при достаточно критическом к ним отношении могут служить историческим источником для воссоздания этого периода жизни Казанского царства.²

¹ Q. 26-П, л. 103.

² Эта достоверность некоторых частей „Казанской истории“ принималась многими исследователями за достоверность целого, и потому их приводило в недоумение несоответствие историческим данным других частей повествования. Так, С. М. Соловьев называл „Казанскую историю“ „мутным источником“ и отказался пользоваться ею (Собрание сочинений, т. V, СПб., 1838, стр. 68). В. В. Вельяминов-Зернов склонялся к мысли о том, что „Казанская история“ — источник, которым „надобно пользоваться с большой осторожностью. Автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера“ (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, стр. 6). С. М. Шпилевский так высказывался о „Казанской истории“: „К сожалению, «Казанская

Таким образом биографические данные „Казанской истории“ подтверждаются характером сообщаемых ею сведений: многие факты автор действительно видел „своими очима“, о многих мог узнать только от казанцев. Прежде всего трактовка автором возникновения Казанского ханства построена не на русских письменных или устных источниках, а на казанских преданиях и легендах правящей верхушки из среды татар. Этому господствующему классу нужно было „...держать в узде эксплуатируемое большинство...“¹ населения завоеванных ими земель, и для этого было необходимо, помимо военной силы, идеологическое оружие. Правящая верхушка создала теорию преемственности власти Золотой Орды ее наследником — Казанским ханством, через потомка Бату — Саина. Саину же автор „Казанской истории“ приписывает и основание самого города Казани как „стольного града“ Золотой Орды.

Между тем археологические данные позволяют относить возникновение болгарского поселения на реке Казанке к XII веку, казанских болгар русские летописи упоминают уже в 1157 году. „Эта область уже в домонгольскую эпоху стала играть немаловажную роль. Она входила в состав Булгарского княжества, и великий князь буйгарский был одновременно и ее князем“.²

Казанское ханство, возникшее на основе распада Золотой Орды в середине XV века, не ранее 1445 года, возводится автором „Казанской истории“ к 50-м годам XIII века, т. е. к периоду расцвета власти золотоордынских ханов. Таким образом возникновение Казанского ханства под властью бежавшего из Золотой Орды Улуг-Мухаммеда и его сыновей объясняется в „Казанской истории“ как возрождение золотоордынского „стольного града“ и трактуется не как насильственный захват земли волжских болгар, а как законное обоснование татар на территории Золотой Орды.

Вымышленный рассказ о фантастическом основателе Казани — Саине, так же как и объяснение появления там в середине XV века Улуг-Мухаммеда, мог быть сочинен только в кругах самих казанских татар, возводивших свой род к Золотой Орде и приписывавших ей и основание своей столицы. Этот рассказ не мог возникнуть в „исконной среде болгарского населения Казанского царства или других народов, населяющих ее: черемис, марийцев, мордвы и также покоренных пришедшим татарским улусом во главе с Улуг-Мухаммедом“.³ Он мог возникнуть только в среде правящей верхушки казанских феодалов — ближайшего окружения хана.

Автор „Казанской истории“, исхивший в воссоздании начальной истории Казани из преданий казанцев-татар, приписывает ей трехсот-

история», которая так много обещает, представляет в действительности весьма скудный исторический материал: автор не столько заботился о подробной и точной передаче событий, не говорю уже о характеристике внутреннего быта Казанского царства, сколько о высокопарности слога и широковежательности, которую в его время отличались и другие“ (С. М. Ш п и л е в с к и й. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 75). „В историческом отношении Сказание (История о Казанском царстве) не представляет ничего замечательного и не составляет исторического материала“ (А. М., Казанские губернские ведомости, Казань, № 18, 1856, стр. 156—157). Д. И. Иловайский считает, что „рассказы казанского летописца вообще не отличаются полной достоверностью и обилуют разными домыслами и прикрасами“ (Д. И. И л о в а й с к и й. История России, т. III, стр. 623).

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. XI, 1947, стр. 604.

² А. И. Смирнов. Волжские болгары. Труды Государственного Исторического музея, вып. XIX, М., 1951, стр. 61.

³ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 415.

летнюю давность: „и много лет преидоша, до 300 лет от первого начала Казани от Саина царя“.¹ В соответствии с представлениями правящей верхушки Казанского ханства, автор „Казанской истории“ утверждает, что Казань и в первый раз (золотоордынским ханом Саином) и „второе зачася от другого царя Ординского“. Позднее, описывая события XVI века, автор снова напомним о том, что „не от князей и воевод или от простых людей строима бывает Казань, но от царей“.² Волхвам, советовавшим покориться московскому царю, казанцы надменно отвечали: „Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и князем его и воеводам . . . достоин нам ими владети и дани у них взимати: яко же прежде они бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмя тем изначала господие и оне раби наши и како смеют или возмогут наши раби нам, господем своим, противитися“.³

Так татарская националистическая историография соотносила возникновение Казанского ханства, явившееся следствием распада Золотой Орды, с периодом ее расцвета, обосновывая этим его „права“ на продолжение тех же отношений с Москвой, в каких состояла Русь к Золотой Орде вскоре после ее завоевания Батыем.

Для чего же автор „Казанской истории“ вовлек в свое изложение националистические легенды казанских феодалов и как связал он их со своей концепцией?

Утверждая, что Русская земля „от начала“ „была едина“, что и область, „идеже ныне стоит град Казань“,⁴ некогда принадлежала Руси, автор изображает и борьбу за эти земли как справедливую; эту борьбу направляет не стремление захватить чужие земли, а право на возвращение своих владений. Поместив казанские легенды об основании Казани преемником Батыею, автор тем самым представил казанское „взятие“ как завершение борьбы с Золотой Ордой, а Ивана IV — продолжателем исторического дела московских государей.

Ряд сведений, сообщенных „Казанской историей“, как мы уже сказали, автор мог почерпнуть только из личных наблюдений или рассказов очевидцев. К таковым относятся рассказы о потоплении черемисами „ладейной рати“ под начальством кн. Ивана Бельского в 1524 году, сообщение о причине внезапной смерти казанского хана Сафа-Гирея („пьян, руже свои и лице умывая, напрасно запеняя ногами своима и ударися во умывальны темец главою своею и заразися весь о землю“), подробности, относящиеся ко времени регентства Сумбеки и ее фаворита Оглана Кошкака. Но наибольшей полноты достигают сведения автора о Казани в описании осады ее русскими войсками в 1552 году.

Краткие сведения, касающиеся положения в стане русских полков, почерпнутые из летописных источников, перемежаются в „Казанской истории“ с подробным красочным описанием положения осажденных казанцев, то уверенных, что их город „яко великая гора каменная твердо стояше и неподвижно ни откуду же от сильного бьения пушечного шатайся“, то в панике прибегавших к помощи „иноземцев“, которые остались в осаде.

Не ожидая помощи извне, казанцы „затвориша Бухар и Шамахан, и Турчан, и Армян“. Особо были задержаны, по словам „Казанской истории“, „Турчане и Армень“, ибо их считали „огненному бою гораз-

¹ Q. 26-П, л. 57.

² Там же, л. 134.

³ Там же, л. 57.

⁴ Там же, л. 3.

дых“ и поэтому „принужаху их битися с Русью; онем же не хотящим и отрицающимся аки неумеющим дела того, и приковываху их железы к пушкам, и с обнаженными мечи стояху над главами их, и смертью претяху им; и тако их принудиша неволю ис пушек бити по Руским полком“. Однако не только армяне, но и турки, несмотря на антимосковские настроения турецкого правительства, — „лестно и худо бяху и не улучаху, аки не умеючи, и ядра черес воя препущаху или не допущаху“.¹ Иван Грозный знал о поведении иноземцев во время осады города русскими, и, как сообщает автор „Казанской истории“, после взятия Казани „царь князь великий милость за се подаст им“.² В летописях известия о благожелательном отношении к русским „армен, турчан“ и других иноземцев, бывших во время осады Казани в самом городе, не имеется. Тем интереснее сообщение автора „Казанской истории“. „Летописец начала царства“ сообщает, что после взятия города „полон же повеле царь имати жены и дети малые, а ратных людей за их измены избити всех“,³ что и было исполнено, а „армяне, турчане, бухарцы“ оказались, по свидетельству „Казанской истории“, выпущенными с царскими милостями. Исследователи „Казанской истории“ брали под сомнение это сообщение автора.⁴

После победы над Казанским ханством в Москве, в честь взятия города русскими войсками, был построен „на рву у Флоровских ворот“ собор Василия Блаженного, где один из алтарей был посвящен Григорию Просветителю Армянскому.⁵ Возможно, что это было знаком внимания к армянам, доказавшим свое благожелательное отношение к русским во время последней осады Казани. Мы имеем, таким образом, косвенное подтверждение сообщения автора „Казанской истории“, находившегося в течение всей осады в городе и знавшего отношение к московскому правительству различных групп осажденных.

Только в „Казанской истории“ имеются сведения о том, что казанцы, гордо и с презрением отклонившие мирные предложения Ивана Грозного, мобилизовали для защиты города последние человеческие ресурсы: к оружию были призваны „высокорастлыя жены и девицы сильныя“.

Особенно яркие и убедительны картины, описывающие противоречивые настроения в самой Казани. Женщины — матери и жены — обращались с мольбой пойти на переговоры с русским царем, но казанцы, подстрекаемые фанатичным духовенством, не хотели об этом и слышать. Только на месте, в Казани, можно было наблюдать, какое впечатление на потерявших было надежду жителей произвел тактический отход русских войск от стен города перед взрывом. Пленник, близкий ко двору, мог знать, что царь Едигер не верил отходу, что он был „весел и не весел“, вынужденно, „аки не хотя“, он приказал приносить благодарственные „молбы“ и жертвы. Пленник видел и буйное веселое доверчивого казанского народа, думавшего, что русские совсем ушли от города.

При сличении некоторых рассказов „Казанской истории“ с летописными рассказами о начальном этапе осады Казани можно отметить, что автор „Казанской истории“ описал осаду так, как ее представляли сами казанцы, т. е. опираясь на впечатления осажденных.

¹ Там же, л. 184.

² Там же.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 513.

⁴ Г. Э. Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 444.

⁵ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, стр. 674.

Налицо в „Казанской истории“ топографически и этнографически точное описание местностей и народностей, населяющих их. Город Свияжск был построен русскими на земле черемис. Автор объясняет: „Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка три, 4 язык варварский“ (черемисы, не принявшие мусульманскую веру). Луговая черемиса включает в себя „черемису кокшайскую и ветлужскую“. Автор знает множество татарских поверий, толкований снов, местных легенд и сказок. Все это с несомненностью убеждает нас в том, что автор „Казанской истории“ действительно жил в Казани и описал многое по личным наблюдениям.

Следует отметить возрастающую полноту сведений автора о Казани в части, относящейся ко времени царствования Василия III и особенно Ивана Грозного. Если в описании истории возникновения Казанского ханства автор сообщает только общие сведения, то, начиная с описания событий первой четверти XVI века, рассказ его становится подробным, мотивированным, сообщаящим ценные сведения, подтверждаемые косвенными русскими источниками (рассказ о „ладейной рати“ 1524 года, о взятии острога по реке Булаку русскими войсками в 1530 году, об участии армян и других иноземцев на стороне русских в обороне Казани и т. д.), но не находящие себе соответствия ни в одном летописном сборнике. Так, автор подтвердил часть своей биографии, сообщенной им в первой главе „Казанской истории“.

Итак, нет оснований не доверять тому, что автор был взят в плен казанцами, обращен в мусульманство, двадцать лет (с 1532 по 1552 г.) жил в Казани (эти годы как раз заполнены самыми подробными описаниями событий), был близок к верхушке казанского общества, а во время взятия города русскими войсками вышел „ис Казани на имя цареве Московского“.

Но можно ли отождествлять этого освобожденного пленника с „попом Иоанном Глазатым“? Сомнение в духовном звании пленника вызывает уже тот факт, что он получил от Ивана Грозного „мало земли уделом“, т. е. поместье, как рядовой дворянин, и „нача служить ему верно“. Трудно совместить с представлением о церковнослужителе XVI века и терпимое отношение автора „Казанской истории“ к мусульманским поверьям, не раз обнаруживаемое им в изложении. Однако для полной характеристики облика автора необходимо учитывать все данные „Казанской истории“, выясняющие круг интересов его после выхода из Казани до времени написания „Казанской истории“ (т. е. не ранее 1564 года).

„Казанская история“ раскрывает перед нами огромное количество фактов, известных ее автору из самых разнообразных письменных источников. Безусловно были известны и использованы автором „Казанской истории“ русские летописи:¹ „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“, Никоновская летопись и в том числе ее Синодальный список с пометками на полях неизвестного лица, раскрывающего роль воевод в период малолетства Ивана Грозного, Московский свод 1479 года, Новгородская IV летопись, Воскресенская летопись, Софийская II и Львовская летописи, возможно Московский свод 1518 года, Хронограф 1512 года русской редакции. Автор прямо ссылается на этот круг его источников: „яко пишут Русты

¹ Анализ летописных источников „Казанской истории“ нами посвящена глава диссертации, в которой мы выясняем вопрос о том, какими именно летописями пользовался автор „Казанской истории“ и с какими целями.

летописцы“.¹ Автор хорошо знал „Царево государево послание во все его Российское царство на клятвопреступников его на Андрея Курбского с товарищи“; известен ему был и Царский архив, где хранились клятвенные записи — „шерти“, местнические суды, переписка Ивана IV с иностранными государями, в частности, переписка с ногайскими князьями, донесения русских послов, дела Посольского приказа, разрядные и статейные списки, родословные книги русских князей. Среди этих письменных источников были такие, которые давали автору не только факты, но и оценки их: это в первую очередь „Царево государево послание“ Грозного, давшее характеристику боярства, правившего в годы детства царя, и резкую оценку многих представителей княжеско-боярского лагеря, к 60-м годам окончательно разоблачивших себя как изменников родины. Среди этих источников были такие, которыми можно было воспользоваться лишь в Царском архиве, в Посольском приказе или через лиц, особо близких к правительственным кругам. Это прежде всего относится к „Летописцу начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“, полнее всего использованному автором. „Летописец начала царства“ составлен в промежутке между 1553—1555 годами.² Н. Ф. Лавров устанавливает, что автором его был человек из „кругов, близких к царской семье“, что „тенденциозность его заставляет думать, что его надо искать не в боярской среде“.³ Автору „Казанской истории“ были известны и приписки на полях „Летописца начала царства“, т. е. автор знал его не в обычном экземпляре. Он широко использовал эти приписки и согласовал во всех случаях свой рассказ с ними, а не с рассказом основного текста. С. В. Бахрушин полагает, что приписки эти сделаны особо доверенным лицом Ивана Грозного и с ведома самого царя.⁴ Можно не сомневаться в том, что если редактором „Летописца начала царства“ мог быть близкий к царскому двору человек, то и читать его с пометами, имеющими важное политическое значение, могло также лицо, которому доверяли и царь и его близкое окружение.

В „Казанской истории“ использованы первоисточники: разрядные записи, начиная с конца XV века (походы под Казань Ивана III) и кончая серединой 60-х годов XVI века, а также статейные списки и родословные книги русских князей. Знает автор клятвенные записи казанских и касимовских царей, хранившиеся в Царском архиве, донесения русских послов, которые вероятнее всего находились в Посольском приказе. Но „Казанская история“ не официальное произведение, написанное по поручению правительственных кругов. Автор писал его не по „заказу“. Он проводил свою точку зрения, исходя из своей общественно-политической позиции, из своего передового мировоззрения. Именно эта принадлежность автора к прогрессивным деятелям XVI века и помогла ему правильно оценить деятельность Ивана Грозного, по-новому осветить многие исторические факты и события. Автор создавал свое произведение на основе изучения громадного количества источников и первоисточников, привлекая документальный материал не в меньшей степени, чем составители таких монументальных исторических сочинений XVI века, как „Летописец начала царства“, Степенная книга и др.

¹ Q. 26-П, л. 162.

² Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии, т. I (XXXIV), 1927, стр. 87—89.

³ Там же.

⁴ С. В. Бахрушин. „Избранная рада“ Ивана Грозного. Исторические записки, т. XV, 1945, стр. 33.

Для ознакомления с громадным по объему материалом нужно было время. И автор „Казанской истории“ за 12 лет пребывания в России (с 1552 по 1564 год) овладел существующей литературой, историческими сведениями и подчинил свою громадную начитанность единой и стройной идеологии. В „Казанской истории“ ярко сказались черты общественно-политического мировоззрения автора, отраженные в отборе и оценке изображенных событий и лиц.

Рассказ автора, как мы видели, дает возможность определить, выразителем взглядов какой из групп был он в ожесточенной внутриклассовой борьбе 50—60-х годов XVI века, чем и как „нача служити“ этот бывший пленник наделившему его землей царю.

Г. З. Кунцевич, характеризуя мировоззрение автора „Казанской истории“, выделил в нем как основные черты „религиозное и национальное самосознание“.¹ Исследователь видит в истолковании автором „Казанской истории“ поступков действующих лиц только религиозную трактовку событий „сообразно понятиям века“.² Но кругозор автора гораздо шире, и одной религиозной трактовкой он не ограничивает оценку событий и лиц. Для признания автором „Казанской истории“ „попа Иоанна Глазатого“ содержание памятника не дает никаких оснований.

Не известно, какого рода службу нес автор „Казанской истории“, вернувшись на родину. Ясно одно, что своим пером он действительно „нача служити верно“ царю, содействуя идейному воспитанию сподвижников Грозного, разъясняя широким кругам читателей смысл одного из крупнейших событий его царствования — завоевания Казанского ханства, раскрывая историческую необходимость крутой расправы царя с феодальной знатью.

Можно полагать, что автор „Казанской истории“ принадлежал к тем „писарям русским“, о которых со злобой и ненавистью говорит в своей „Истории о великом князе московском“ изменник А. Курбский. Этим писарям „князь великий zelo верит, а избирает их не от шляхетного роду, ни от благородна, но паче от поповичев или от простого всенародства“.³ Курбского приводит в бешенство то, что „писари творят ненавидячи вельмож своих“.⁴

„Казанская история“ — яркое свидетельство резко отрицательного отношения автора к феодальной верхушке России: автор принадлежал к тому слою людей, которые беззаветно служили Ивану Грозному и являлись опорой царя в его прогрессивной деятельности, направленной на укрепление Русского централизованного государства. В способе изображения исторических событий, в их оценке автор „Казанской истории“ отразил новые, более высокие формы исторического сознания. „Казанская история“ создана на основе самого тщательного ознакомления с относящимся к теме материалом повествования. Однако материал не ведет за собою автора, а подчинен его основополагающей мысли.

Автор не пытается описать все события в их исторической последовательности, а отбирает те из них, которые отражают самое характерное, самое необходимое для раскрытия основной мысли, те, которые с наибольшей полнотой вскрывают их внутреннюю связь.

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 564.

² Там же.

³ А. М. Курбский, Сочинения, РИБ, т. XXXI, стр. 221.

⁴ Там же, стр. 221.

Так, он не описывает похода на Русь Батыя, а говорит об этом событии как о прошедшем факте „яко двадцать лет минуша по Батые царе, пленившем Русскую землю“, послужившем, однако, причиною (по рассказу „Казанской истории“) образования Казанского ханства и возникновения его правящей династии. Автор объединяет, таким образом, в единое целое рассказ о походе на Русь Батыя с падением Казани под ударами русских войск в 1552 году.

Характеризуя время окончательного освобождения от татаро-монгольского ига, автор связывает главу „О конечном запустении Златая Орды и о царех ея, и о свободе и величестве Русские земли, и о чести, и о красоте преславного града Москвы“ с рассказом о походе Ивана III на Новгород и о покорении удельных княжеств Твери, Вятки и Рязани. Автор утверждает этой связью событий, что, только взяв „великий Новгород со мноюю гордостию и буйством, и Тверь, и Вятку, и Рязань и вси русские князи“ „подклонив“ под свою власть, Иван III смог противостоять Золотой Орде, „освободится от ярма и поношения бисюрманского“ и освободить исконные русские земли, захваченные „от польского короля“.

Покорение Новгорода и присоединение к московскому княжеству Твери, Вятки и Рязани дали возможность Ивану III „великое дерзновение побороти по христианстей вере, и преобидя рещение царя Ахмета Златая Орды“, противостоять Золотой Орде. Москва возглавила это объединение русских княжеств, и ей автор посвящает восторженный панегирик. Он предрекает ей небывалый расцвет, выражая свое понимание его в форме политических и религиозных теорий XVI века: Москва „ныне столный и преславный царствующий град, второй Киев, не срамлюся же и не буду повинен нареци того и третий новый Рим, провозсия бо в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей рустей земли, во всех градах, во многих людех“.¹

Таким образом автор „Казанской истории“ связывает расцвет Москвы с ее ролью в освобождении от татаро-монгольского ига. Понять это в XVI веке значило понять процесс централизации власти в руках именно московского великого князя, правильно осветить значение Москвы в образовании централизованного Русского государства.

Широкая историческая перспектива и точное знание предмета своего описания позволили автору „Казанской истории“ подняться до понимания реальных отношений, устанавливающихся между людьми в процессе их деятельности. Смена царей на казанском престоле происходит не путем вмешательства потусторонних сил (как объясняет это Степенная книга), а в результате внутриворцовой борьбы между сторонниками московской и крымской партий. Особенно ярко раскрывается мировоззрение автора при объяснении причины бегства Сафа-Гирея в Крым: „Воста в Казани в велможах, и во всем народе и во всем люду казанском смятение великое; возвигоша бо крамолу все, соединившеся болшие с меншими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царства и выгнаша ис Казани. . . что он приемляше свояземца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устроише, и богатяше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцов даваше, любляше их и брежаше паче казанцев“.² Сравним объяснение причины бегства Сафа-Гирея в Степенной книге: „И тогда в Казани нападе велий страх и

¹ ИРЛИ, Q. 251-П, л. 25 об.

² Q. 26-П, л. 64 об.

трепет, яко же на самого царя Сафа-Кирея и на князей и на вся люди казаньския по многому волховованному их и мечтанию“.¹

Победу Русского государства над Казанью автор представляет не как „боговодимый подвиг царя“, а как тяжелый труд русского воинства и его главы — Ивана Грозного. Не христианские добродетели „царя и великого князя“, а его государственная мудрость и воинский талант выдвинуты в произведении на первый план. Даже в идеализированном портрете Ивана Грозного не нашла места характеристика его христианских добродетелей.

В произведениях средневековья К. Маркс отмечал, как одну из характерных их особенностей, „религиозный отпечаток“,² — он налицо и в „Казанской истории“: в произведении имеются знамения, чудеса русских святых, прорицания, вещие сны и т. п. Но он здесь присутствует лишь в той мере, в какой к нему прибегали все писатели XVI века, не исключая и самого Грозного. Не эти, объясняемые условиями времени черты сделали „Казанскую историю“ отражением передовой общественной мысли XVI века.

В. И. Ленин указывал, что „Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками“.³ „Казанская история“ — публицистическая повесть, построенная на огромном материале исторического повествования, пронизанном единой мыслью и подчиненном единой идее, — свидетельство нового этапа в историческом самосознании русского народа, свидетельство нового этапа и в литературном развитии древней Руси.

¹ ПСРА, т. XXI, ч. 2, стр. 609.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 166.